

Пустые часы, пустые дни.

Во мне сохранилось мало воспоминаний о первом периоде моей жизни, о тех первых шестнадцати годах, когда я трудился в качестве слуги. Минуты сливались в часы, часы – в дни и так далее, пока все не начинало казаться одним длинным и бессодержательным. мигом. Несколько раз мне удавалось тайком пробраться на балкон Дома До'Урден и полюбоваться магическими огнями Мензоберранзана. После таких тайных походов я долго находился под впечатлением сначала становившегося все ярче, потом рассеивающегося тепла-света Нарбондель, башни-часов. Сейчас, оглядываясь назад, на долгие часы наблюдений за тем, как сияние магического огня медленно прокладывает себе путь сначала наверх, потом вниз, я поражаюсь пустоте моего детства.

Я ясно помню, как трепетал от возбуждения каждый раз, когда выходил из дома и, заняв удобное положение, наблюдал за башней. Это было такое простое дело и, тем не менее, такое восхитительное по сравнению с прочим моим существованием!

Каждый раз, когда я слышу щелканье хлыста, другое мое детское воспоминание (в действительности скорее ощущение, чем память), у меня по спине пробегают мурашки. Ошеломляющий удар и следующее за ним онемение от этого змееголового инструмента – такое не скоро забывается. Хлыст рассекает твою кожу, распространяя по телу волны магической энергии, которые заставляют твои мускулы рваться и растягиваться за пределы возможного.

И все же мне повезло больше других. Моя сестра Вирна должна была скоро стать верховной жрицей, когда ей поручили меня. воспитывать, это был период жизни, когда ее энергия значительно превосходила энергию, необходимую Оля выполнения этой задачи. Наверное, в те первые десять лет, проведенные под ее присмотром, случилось много больше событий, чем я могу вспомнить. Вирна никогда не выказывала чрезмерную злобу, как наша мать, а особенно как наша старшая сестра Бриза. Вероятно, были и хорошие времена в уединении домашнего собора; вполне возможно, что Вирна позволяла себе проявить больше доброты к своему маленькому брату.

А может быть, и нет. Хотя я считаю Вирну самой доброй из моих сестер, ее слова сочились ядом богини Ллос ничуть не меньше, чем у любой другой священнослужительницы Мензоберранзана. Кажется странным, что она жертвовала своей мечтой стать верховной жрицей ради обычного ребенка, тем более мальчика.

Были ли действительно радостные моменты в те годы, которые затмила жестокая злоба Мензоберранзана, или ранний период моей жизни был более мучительным, чем последующие годы, – столь мучительным, что мой мозг блокирует память, – я не знаю, Сколько бы я ни старался, я не могу вспомнить.

Я лучше помню следующие шесть лет, и самое яркое воспоминание этих дней дней, проведенных на службе при дворе Матери Мэлис, – это, помимо тайных прогулок вне дома, вид моих собственных ног.

Младшему принцу запрещается поднимать взор.